

Эта победа была нужнее нам...

Искр. новости. - 1995.
-16-23 апр. - С. 5.

В СТРАНЕ

Георгий ВЛАДИМОВ,

писатель

Чем дальше она уходит от нас — майская Победа, тем более вырастает в наших глазах. В последний ее юбилей, еще принадлежащий веку XX, уверенно можно сказать: Великая Отечественная война была самым значительным в этом веке событием истории России. Пожалуй, Октябрьская революция, наш мир перекроившая до неузнаваемости, и та с нею не сравнится ни размахом, ни числом участников, ни своими многими последствиями, среди них и благотворными. Если поискать метафору, позволяющую сопоставить эти два события, то октябрьский переворот, вероятно, покажется нам кратким мигом, когда захлопнулись, лязгая, челюсти капкана, а Великая Отечественная предстанет началом долгого, кровопролитного, богатого жертвами освобождения.

В сущности, материальная история Октября, привязанная своими вехами к ноябрю, самому противному месяцу в году, в ноябре и закончилась, в тот промозглый день 1989 года, когда толпы народа принялись рушить одно из самых нелепых и позорных сооружений — берлинскую стену. Пожалуй, следовало бы ее оставить — хотя бы фрагментами — для вечного напоминания, что приносит с собой коммунизм, помимо лозунгов всемирного братства. Но тогда бы толпа непременно разрушила что-нибудь другое, и это было бы жалко. Духовная же история Октября скончалась еще раньше, когда разрозненные анекдоты о Ленине сложились в пышную, ветвистую лениниану. «Человечество смеясь расстается со своим прошлым», — не кем-нибудь, а Марксом было сказано. И так велико желание расстаться, что черный юмор истории не щадит даже мучеников. «Бьется в тесной пещурке Лазо», и народная симпатия выводит из советские уленшпигели тридцатидвухлетнего утопленника Чапаева. «Василий Иванович, — зывает к нему анекдот вполне сочувственный, — брось чемодан, не выплывешь!» Великая Отечественная война таких персонажей не знает. Самый короткий ее анекдот — орден Победы Брежневу — это все же из другого времени, еще одна гримаса застоя, даже и не смешная.

Октябрь не имеет будущего, Великая Отечественная перешагнет порог века, и в новом тысячелетии напишут книги о ней, рожденные после победы. Будут меняться взгляды на нее, вызревать новые концепции, по мере того как она будет открывать одни свои тайны и заманивать другими. Одну концепцию уже пора бы сменить. Много лет мы все твердим о нападении «военной машины гитлеризма», но не одни военные пригладели наши земли до Урала. Целый народ, угнетенный своим жизненным пространством, уже рассчитал на них свое хозяйственное будущее, ждал из полунищей страны богатых посылок; время сказать, что против нас воевал народ из самых великих европейских, умелый, трудоупорный, с высокой обучаемостью, отважный, выносливый, свято поверивший в своего вождя и в «новый порядок», который следует принести на штыках и броне и назначить другому народу, как и мы верили своему вождю и тому, что нам выпало очастливить мир новым откровением. Народная война была с обеих сторон — и это не менее страшно, чем война гражданская. Плата, принесенная с той стороны, не так мала, как принято думать. По Францу Гальдеру, начальнику генштаба сухопутных сил, экономные немцы в летние успешные месяцы 1941 года теряли убитыми по тысяче в день, в позднейшие неуспешные — больше, а сколько теряли мы, говорить не станем — и чтобы лишний раз не расстраиваться, и потому, что мы их до сих пор не подсчитали, как следовало. Еще желтеют кое-где по лесам и болотам кости непогребенных, и значит, война, согласно некоторым теориям, вообще не считается законченной.

Но отчего же, когда заходит речь о ней, светлеют лица фронтовиков? Отчего слезы печали? Разве что о Курской дуге избегают говорить, но то была, как мне объяснил один побывавший там, «не война, а какая-то молотилка». Стало быть, война в ее нормальном облике, если так позволительно выразиться, имеет не одни лишь мрачные и страшные стороны. Было и нечто, о чем вспоминается с улыбкой и теплотой. Никак не могу

согласиться с Солженицыным, что победы нужны правителям, для народов же благодетельны поражения. Эта победа была нам нужнее, чем любому другому народу, чтобы не считать себя быдлом, которым всякий проходимец может повелевать. Как нельзя быть свободным, угнетая другой народ, так невозможно и рабом оставаться, противясь порабощению иноземному. Рассказывают нам, что в сырых окопах, под снегом или под дождем — атмосферным и пулеметным, было тогда познано истинно человеческое меж людьми: дружба, взаимовыручка, сознание своей необходимости ближним. Там познали мы истину горькую — что, наверное, всякая война обойдется нам большой кровью. Это, пожалуй, наша национальная черта — мы иначе не воюем, и об этом должны были помнить генералы, готовившие план блиц-крига в Чечне. Познали и другое: что победа была делом наших рук, а не получена из рук вечной нашей кормилицы — партии. Отказавшись принять на себя всех мертвецов и всех нерожденных, даже подсчитать их точно, вправе ли она считать себя совестью нации? Так явилось нам самосознание, и так началось высвобождение от ложных воззрений, искалечивших нашу жизнь.

(Окончание на стр. 11).